

ЕЛЕНА ВАДЮХИНА

ОТКРОЙ ОКНО

сказка

Пётр часто задумывался в детстве, откуда в их роду такая фамилия – Крыловы. Видимо, предок его любил летать, может быть, даже крылья себе делал из перьев. А может быть, просто летал в своих фантазиях. Пётр любил чувство полёта, которое возникло у него в периоды влюблённости, но в последний раз полёт этот был давно и как всегда одиноким. Сейчас он обречённо чувствовал, что никогда уже летать не будет, а будет ползать всю жизнь с работы домой и из дома на работу. Он ехал в поезде в сидячем вагоне домой после внезапной поездки, связанной с тяжёлым событием. Пётр ездил хоронить отца в далёкий город, в котором бывал до этого только раз давно ещё студентом – навещал отца в каникулы. В детстве отец огорчал его пьянством, в подростковом возрасте своим отсутствием после того, как родители развелись, а во взрослом возрасте он стал для него чужим человеком. Умер отец при странных или, наоборот, закономерных обстоятельствах: выпил много снотворных таблеток. С причиной смерти так и не определились: то ли не рассчитал количество, то ли специально принял заведомо большое количество таблеток, чтобы уснуть навечно, улететь в иной мир от одинокой жизни никому не нужного человека. Пётр ехал в поезде и думал о том, что и он со временем никому не будет нужен. Пока он был нужен дочери, чтобы просить у него денег на всякие девичьи дела. Но скоро она будет полностью самостоятельной, а он со временем будет пенсионером, и будет, наверное, также в душевном одиночестве пить снотворные таблетки. Сын с ним не разговаривал уже год, обидевшись на то, что отец подарил автомобиль дочери, а не ему, хотя ей автомобиль сейчас был нужнее, а сын со временем мог бы купить машину самостоятельно, что он вскоре и сделает. С женой он сам старается не разговаривать, потому что кроме критики в его адрес и полного пренебрежения его мнением, он вряд ли мог бы на что-то рассчитывать. Когда-то он вздрагивал при её приближении, испытывая приступ страха от заранее предсказуемой агрессии, а теперь у них почти мирное сосуществование на одной жилплощади. Оба они проводили много времени на работе, встречались изредка на кухне или в прихожей, старались проскочить мимо друг друга без лишних разговоров, только привет-привет. А ведь он был влюблен в неё, в её глаза, полные озорства, звонкий голос. Он добивался взаимности не один год, проведённый на одном курсе университета, и добился, в конце концов, её руки, но не сердца, сердце её отчаянно сопротивлялось ловушке брака, в которую загнал её разум. Жена ещё до замужества прозвала его Пятак. Почему Пятак? На поросёнка он не был похож, нос тоже не курносый. Прозвище это подхватили все однокурсники, и оно закрепилось на всю жизнь. Мать звала его Петрушей, уменьшительные имена прилипали к нему везде. На работе его звали Петей, даже начальница, будучи младше, звала его Петей. Выглядел он и вправду моложе своих сорока девяти лет. Между тем возраст упорно подбирался к круглой дате, которая всегда его пугала.

И вот сейчас он ехал по снежной равнине с унылыми строениями, бескрайними тёмными лесами. Пассажиры дремали, лампочки в ночном режиме светили тускло и неудобно. Всё одно и то же на бескрайней русской равнине, всё безнадежно и пустынно у него в душе. Об отце он старался не думать, это было больно, а собственная жизнь казалась ему однообразно безнадежной. Пётр был материалистом, но сейчас задумался: что же так тупо и упрямо болит у него, это ведь не сердце, не нервы, это болела душа, и эта-то душа была тем самым его Я, не имеющим отношения ни к внешности, ни к имени, а к тому, что так хотело летать, но не могло. Казалось, что жизнь проехала по нему катком и придавила в серые будни, похожие на однообразный асфальт. Он забыл, когда в последний раз смеялся, испытывал мгновения счастья, даже во сне он уже много-много лет не летал. Все свои желания он изгонял из себя изнуряющим бегом по выходным дням и нередко вечерними выпивками. Все его «возлюбленные», не отвечающие ему никакой взаимностью, напоминали по внешности и характеру его жену в том возрасте, когда он ещё

её любил. Он, словно игрок в карты хотел переиграть партию, но не решался, боясь снова проиграть.

За окном пошёл мокрый дождь, оконное стекло покрылось сначала снежинками, а потом каплями, пробегающие мимо фонари превратили траектории капель в бриллиантовый волшебный рисунок. Это было какое-то чудо, мрачные мысли покинули Петра, и он с восхищением наблюдал за превращениями оконного стекла. Хотелось поделиться увиденным чудом с кем-нибудь, но пассажиры спали. Петр неотрывно смотрел на чудо-орнамент, как вдруг заметил среди капель надпись – «Открой окно». «Всё, я переутомился...», – подумал Пётр и закрыл глаза, усталость напала на него, переходя в дремоту. Проснулся он от какой-то прохлады, как будто от движения воздуха. Пётр открыл глаза, женщины напротив него не было. Наверное, было остановка, и она вышла. Но присмотревшись, Пётр увидел, что сумка её на месте. Значит, просто пошла в туалет или в тамбур покурить. А что же с окном? Петр посмотрел на окно: надпись стала ещё более чёткой, а красный кружочек, на который надо было давить в случае необходимости аварийного выхода, стал мерцать. Пассажиры продолжали мирно спать, спросить некого, реальна ли надпись или это какая-то иллюзия зрения. «Всё, надо завязывать с выпивкой, глюки начались», – решил Пётр и вдруг встав, неожиданно для самого себя нажал на мерцающий кружочек. Окно опустилось, внезапный порыв ветра приподнял его из вагона, закружил в снежном вихре. Несмотря на испуг, Пётр успел подумать: «Всё-таки, удалось полетать», и вдруг приземлился на вершине высокого берега.

Вокруг были сосны, вниз уходила ледяная горка, освещённая мерцающими среди высоких сосен огоньками электрической гирлянды. Снизу навстречу ему шла девочка, везя за собой санки. Таких девочек он видел только в далёком детстве: в валенках, драповом пальто с меховым воротничком, белой кроличьей круглой шапочке и белом шарфике. Увидев его, девочка помахала ему приветливо рукой. Пётр помахал в ответ и вдруг заметил, что и сам он в валенках, в одежде родом из его детства, да и ростом он с десятилетнего мальчика.

– Привет, мальчик! – крикнула девочка. – Как здорово, что ты появился, вавоём будет веселей с горки кататься, – она произнесла это с какой-то певучей интонацией. «Видимо, на каком-то местном диалекте», – подумал Пётр.

Пётр переминался с ноги на ногу, не зная, как же ему реагировать на происходящие чудеса. «Наверное, я сплю, – решил он, – а почему бы и не покататься во сне».

Девочка поднялась на горку. Щеки у неё были румяные от мороза, носик тоже порозовел, золотистые волосы выбивались из-под шапки.

– Меня зовут Февраль, – сказала она, улыбаясь. От улыбки на её нежных щечках появлялись ямочки, а голубые лучистые глаза светились весёлыми огоньками. – А тебя как?

– А меня Декабрь, – нашёлся Петр. Сказка так сказка.

– Санки у нас одни, – сказала Февраль, – садись сзади меня. Уселся? Помчались! Эгей!..

И они полетели с ледяной горки, подпрыгивая на трамплинах. Петя почувствовал радостное возбуждение, давно забытое с тех пор, как он в последний раз прокатился в детстве с горки.

– Здорово? – спросила Февраль. – Теперь твоя очередь санки везти.

Они поднимались на горку, Петя тянул за верёвочку санки.

– Декабрь, а ты умеешь делать цветным снег?

– Нет, а как это?

Девочка расстегнула пальто и вытащила из кармана байкового платья целую гору фантиков.

– Бери, какие хочешь.

Петя вытащил малиновые и зелёные. Февраль закопала в мокрый снег свои фиолетовые и синие фантики, и он окрасился в аналогичные цвета, также поступил и Петя со своими фантиками.

– Давай сделаем цветные снежки, – предложила девчужка.

Они налепили снежки и стали бросать их в засохшее дерево, то попадая, а то промахиваясь. У Февраль получалось хуже с попаданием, но она не унывала, а весело комментировала свои промахи. К этому времени Пётр уже совсем забыл своё взрослое прошлое, оно представлялось ему сейчас плохим сном, который лучше не вспоминать. Будущее взрослое тоже не имело значения, главное было то, что есть сейчас, а сейчас было очень весело.

– А давай в сказку играть, – предложила Февраль.

– Как это?

– Ну, мы будем идти к Бабе Яге, будто бы мачеха послала нас к ней за огнём. Возьмём огонь, а потом удержим от неё.

– А где это баба Яга наша живёт?

– Видишь домик? Окна светятся, вот там Баба Яга и живёт.

Домик светился где-то недалеко между деревьев. Они пошли по глубокому снегу в сторону домика, проваливаясь чуть ли не до пояса.

– А давай, как будто мы уже пришли, – предложила Февраль, – а то чего-то дальше идти не хочется...

Она взяла валявшуюся ветку, подняла её высоко и сказала:

– Смотри, какой факел! Это светящийся череп, понесём его к мачехе.

Потом, посмотрев вверх с ужасом, вскрикнула:

– Ой, смотри, Баба Яга догоняет.

Она попыталась побежать. Пётр поднял голову. Ему и вправду показалось, будто бы наверху летит Баба Яга в ступе. Он хотел бежать, но тут же они оба увязли в глубоком сугробе и упали.

– Бежать надо! – кричала Февраль. Но как только они поднялись, упали опять. Они засмеялись.

– Ну, бежим же! – крикнул Петя сквозь смех, но от смеха они совсем обессилели и, стараясь подняться, падали снова и снова, и продолжали смеяться так ещё минут десять. Как только один переставал смеяться, начинал другой.

– А давай ещё прокатимся, – предложил Петя, когда смеяться стало больно щекам, и они смогли, наконец, спокойно вздохнуть. – Только я, чур, первый сяду.

Они добрались до горки, уселись на санки и стали скатываться. На этот раз в середине горки санки развернулись поперёк. Пытаясь их вернуть в прежнее положение, дети упали, на скользкой горке было невозможно удержаться, и как только они пытались встать, тут же соскальзывали вниз, наконец, они скатились до конца ледяной дорожки без всяких санок и долго хохотали, лёжа в снегу.

– Ну, и навалялись мы сегодня. У меня все варежки мокрые, – сказала Февраль.

– И у меня тоже, – откликнулся Петя. Раскинув руки и ноги, он лежал на снегу. На лицо падали снежинки, и он слизывал их языком. Потом снял варежку, подставил ладонь для снежинок, и на неё упало лёгкое пёрышко.

– Смотри, Февраль. Пёрышко упало с неба. Это пёрышко Финиста Ясна Сокола, и я смогу с ним взлететь.

– И ко мне тоже пёрышко прилетело, – откликнулась Февраль. – Давай летать.

Они взялись за руки и взлетели. Они парили в небе легко и радостно. Стоило чуть взмахнуть перышками, как они поднимались выше сосен, страшно не было, а было только весело. Освоившись в небе, Петя направил полёт на реку. Дети плавно летели вдоль русла реки, снег здесь лежал нежным ровным покровом, они снизили высоту и полетели, почти касаясь земли, а потом снова поднялись выше деревьев.

– Я всегда знал, что буду летать, – сказал счастливый Петя. – У меня фамилия Крылов.

– А давай кувыряться, – предложила Февраль.

Она отпустила его руку и стала делать пируэты в воздухе, вращаясь и делая кувырки. Петя тоже попытался, хотя у него не так ловко получалось. Зато ему удавалось взлетать очень высоко, наконец, он завис, расставив руки, лицом вверх. Облака куда-то исчезли, небо стало бархатным, усеянным множеством ярких больших и маленьких звёзд.

– Смотри! – закричал вдруг Петя, показывая на небо. Над ними из звёздочек сложилась надпись: «Ищите клад у речки».

Они прочитали надпись, обрадовались и задумались, как же этот клад найти.

– Давай приземлимся, – предложил Петя, – на лету думать не получается.

Они мягко опустились на землю, а пёрышки решили спрятать в карманы.

– Ой, а у меня, оказывается, в карманах варежки запасные есть, – обрадовалась Февраль, – замёрзли же у меня руки.

Она растирала красные ладошки.

– Давай, я согрею, – предложил Петя и стал дышать на её ладони.

– Ой, сразу согрелись, – обрадовалась его подружка. – А куда мне эти мокрые варежки девать?

– У меня карманы большие. Хочешь, я поношу?

Петя полез в свои карманы проверить, что же в них лежит. В них тоже лежали сухие вязаные варежки и какая-то записка.

Петя раскрыл её, было темно, но вдруг взошла яркая луна и они смогли прочитать послание:

«Идите к большой берёзе».

Дети обернулись по сторонам и увидели единственную берёзу. Они решили к ней полететь и прилетели, покружились над ней и приземлились.

– А что же дальше делать? – спросила девочка.

Петя внимательно осмотрел дерево и заметил надпись на коре: «Идите в сторону луны – 20 шагов». Они дошли до кустарника, дальше знаков не было.

– Может быть, покопаем? – предложила Февраль.

Они снова надели мокрые варежки и стали разгребать снег и руками и ногами. Добравшись до мёрзлой земли, ребята обнаружили коробку, завернутую в суровую ткань. Сердца их замерли от предвкушения неизвестной находки. Они с силой развернули замёрзшую ткань и увидели деревянную шкатулку. Шкатулка открылась, заиграв чудную мелодию, на дне лежали не драгоценности, как они предполагали, а ледяное сердечко. Девочка положила его на ладонь. Петя погладил ледяное сердечко пальцем, а оно тут же засветилось красным цветом, стало тёплым, но не растаяло, а разъединилось на ровные половинки. Каждый взял свою половинку.

– Я всё время хотела тебя спросить, – сказала Февраль, – отчего у тебя такое странное имя – Декабрь, как твоё полное имя?

– Ты сказала, что тебя зовут Февраль, ну я и сказал, что меня Декабрь.

– Моё полное имя Феврония. Знаешь сказку о Деве Февронии?

– А моё имя на самом деле Пётр. Я знаю, что в сказке говорилось про Петра и Февронию.

– Значит, ты моя половинка, поэтому нам и сердечки дали. Как мы станем взрослыми, ты меня постарайся найти. Ладно?

Петя нежно поцеловал девочку в холодную румяную щёчку, и вдруг снежинки опять налетели, закружились. Он попал в снежный вихрь, и оказался на своём кресле в поезде. «Ну и сон, – подумал Пётр, снова ощутив себя взрослым. – Однако я счастлив, сам не знаю, почему». Он закрыл глаза, пытаясь заснуть, но спать не хотелось. Открыв глаза, он заметил, что женщина на сидении напротив появилась снова. На щеках у неё был румянец, словно она пришла с мороза. Подошла проводница и сказала женщине, что через десять минут её остановка, и что она уже приходила разбудить её раньше, но той не было на месте.

– Странно, я, кажется, всё время спала, – ответила женщина со знакомой певучей интонацией, торопливо одеваясь и собирая свои вещи.

– Да, здесь, места заколдованные, – ответила проводница, – вечно кто-то исчезает, а потом появляется.

Пётр вглядывался в лицо женщины, пытаясь сопоставить факты, но женщина уже пошла к выходу. Пётр полез в карман, надеясь на чудо, и оно действительно было – в кармане лежала половинка стеклянного красного сердечка, правда, оно не светилось и не согревало руки, как то, что было на снежной опушке, но оно не могло попасть к нему обычным путём. А ещё в кармане была записка – та самая – о кладе. Но когда он раскрыл её, там почерком отца было написано: «Иди за ней». Пётр быстро оделся, схватил сумку и побежал в тамбур. Вот и остановка, женщина уже выходит на перрон, и Пётр за ней, не обращая внимания на испуганный возглас проводницы.

– Извините, – Пётр подошёл к женщине и протянул ей своё сокровище. – У Вас есть такая половинка?

Она посмотрела на сердечко, потом внимательно на него, опустила руку в карман и достала такую же половинку. Женщина подняла глаза на Петра и улыбнулась столь же радостно и тепло, как там – в волшебной сказке за окном. Они соединили свои половинки, и сердечко ожило. Оно опять засветилось и стало тёплым.